

А.А. Оносов, А.Т. Гаспаршвили

РУССКИЕ В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ: ЭТНИЧЕСКИЙ АБРИС В АКТУАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ

Аннотация. В статье описываются некоторые результаты количественного и качественного исследований, методологически объединенных одним социологическим проектом, направленным на изучение структуры и содержания этнического самосознания русского населения Москвы и Подмосковья в контексте трудовой миграции в регионе. Задачами проекта являлись выработка обобщенного представления о компонентах русской идентичности, выявление и классификация проблемных точек взаимоотношений этносов, представленных в Московском регионе, оценка потенциала позитивного развития миграционной ситуации, а также факторов и рисков ее ухудшения.

Ключевые слова: этническая идентичность, русские, гражданская идентичность, религиозная идентичность, православные, межэтнические отношения, мигранты, общественное мнение, экспертный опрос.

Оносов Александр Аркадьевич – кандидат философских наук,
ведущий научный сотрудник философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова. E-mail: o_shura@mail.ru

Гаспаршвили Александр Тенгизович – кандидат философских наук,
доцент, зам. декана факультета глобальных процессов,
МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: gasparishvili@yandex.ru

A.A. Onosov, A.T. Gasparishvili. The Russians in the Moscow Region: Ethnic Picture in the Current Dynamics

Abstract. The article describes the results of the quantitative and qualitative research, aimed at studying the structure and content of ethnic self-consciousness of the Russian population of Moscow and the Moscow Oblast in the context of labor migration in the region. The objectives of the project were to develop a generalized understanding of the components of Russian identity, to identify and classify the problematic points of the ethnic relations represented in the Moscow region, to assess the potential for positive development of the migration situation as well as the factors and risks of its deterioration.

Keywords: *ethnic identity, Russians, civil identity, religious identity, Orthodox Christians, interethnic relations, migrants, public opinion, expert survey.*

**Onosov Alexander Arkad'evich – Candidate of Philosophy,
Leading Researcher, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University. E-mail: o_shura@mail.ru**

**Gasparishvili Alexander Tengizovich – Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Deputy Dean, Faculty of Global Processes,
Lomonosov Moscow State University. E-mail: gasparishvili@yandex.ru**

В рамках научно-практической инициативы коллективом ученых МГУ им. М.В. Ломоносова было выполнено комплексное исследование «Русские в Москве и Московской области», методологически сочетающее в себе массовый опрос жителей Московского региона и экспертный опрос. Программа и инструментарий исследования были разработаны для получения достоверной описательной статистики и экспертных заключений о текущей миграционной ситуации в регионе, детерминантах идентичности русской части его населения в условиях массовой трудовой миграции внутри России и из-за рубежа, о характере межэтнических отношений в целом в основных аспектах их проявлений.

В результате, по тематическим направлениям исследования были сформированы кластеры оценок, анализ и интерпретация которых позволяет раскрывать и детализировать структуру идентичности русского населения столичного мегаполиса и области; выявлять проблемное поле взаимоотношений различных этносов, на постоянной или временной основе населяющих в настоящее время Московский регион; на уровне эмпирических обобщений моделировать и прогнозировать развитие миграционной ситуации.

Основные характеристики миграционной ситуации в Московском регионе рассмотрены в итоговой работе [8]. В отдельных публикациях [7] представлено эмпирическое описание процесса *этнизации массового сознания русских*, обозначено пространство их *идентичности* в этническом, гражданском и религиозном измерениях.

Данная статья посвящена выяснению, спецификации и интерпретации главных компонентов русской идентичности, дальнейшему детализированному анализу ее проявлений на уровне скрытых закономерностей и связей.

Главные компоненты русской идентичности

Инструментарий исследования методологически и технологически позволил выявить важнейшие составляющие идентичности русских [5]. Содержательная конфигурация последней как интегральной характеристики

определялась статистически значимыми корреляциями с рядом частных признаков:

- родиться в России;
- чувствовать ответственность за свою землю, готовность защищать ее от врагов;
- иметь русских родителей;
- прожить в России большую часть своей жизни;
- говорить по-русски;
- быть православным;
- уважать российский политический строй и законы;
- чувствовать себя русским;
- быть ответственным за все народы, живущие в России.

При этом важность / выраженность каждого признака / показателя для того, чтобы считаться русским, оценивалась по количественной шкале от *одного (очень важно)* до *четырех (совсем неважно)*. Для качественной свертки и обобщения полученных оценок был использован факторный анализ. В результате методом главных компонентов, по критерию Кайзера, из совокупности рассмотренных признаков были извлечены три фактора. Последующее ортогональное вращение выделенных факторов по методу Варимакс и их содержательный анализ позволили предложить следующую неформальную интерпретацию главных компонентов русской идентичности:

– **«Исторический суверенитет»**. Отражает нагрузку таких частных признаков, как: *ощущение русского мира, гражданское уважение к его историческим проявлениям и социально-политическим проекциям, принятие ответственности за исторические судьбы всех этносов, составляющих многонациональный социум России.*

– **«Почвенничество»**. Значимо коррелирует с признаками: *признание генетической связи с родной землей; быть русским «по природе», родиться и жить в России.*

– **«Этнопатриотизм»**. Проецирует влияние следующих признаков: *преданность отечеству, верность русским культурным традициям и признание православной веры* в качестве неотъемлемой черты русского характера.

Переход к анализу эмпирических данных в координатах этих факторных признаков идентичности позволяет получить и предложить спецификацию идентичности русских в современном российском социуме на более высоком уровне обобщения.

Учитывая факторные нагрузки исходных признаков, можно обозначить социально-демографический профиль и социальный ареал каждого извлеченного фактора – компонента русской идентичности.

Влияние фактора «Исторический суверенитет» в вопросе идентичности распространяется чаще всего на мужчин среднего возраста (40–49 лет),

граждан со средним или средним специальным образованием, людей с невысоким уровнем доходов, проживающих в Москве.

Профиль влияния фактора «Почвенничество» в целом близок к предыдущему, за исключением того, что значимость этого фактора для самоидентификации в большей мере ощущает не столичный житель, а обитатель подмосковного города со средним достатком.

Наконец, фактор «Этнопатриотизм». Следует отметить, что он представляется важным при идентификации, в большей мере, женщин из возрастной категории 50–59 лет, людям с низкими уровнями образования и доходов, проживающим в Подмосковье.

Этническая идентичность

Относительно реального содержания собственно этнической [9], а именно русской, идентичности, экспертное сообщество представило различные суждения в широком диапазоне значений. Этот факт может служить подтверждением того, что в настоящий момент социокультурного бытия русского этноса идет активное выявление, маркировка, очерчивание смысловых границ самой сущности его «русскости». Это, в частности, проявилось в том, что один из центральных вопросов инструментария исследования – «*Что нужно для того, чтобы считаться русским?*» – вызвал явное затруднение даже среди экспертов: вместо ожидаемых однозначных и строгих «академических» дефиниций достаточно часто предлагались весьма размытые, многозначные и к тому же явно субъективированные мнения в безбрежном семантическом поле.

В количественном исследовании, в рамках тематического блока, посвященного этнической идентичности, респонденты имели возможность высказать свое мнение о степени важности ряда факторов для достижения и поддержания национального единства. Для серии соответствующих уточняющих вопросов, предложенных участникам исследования, были получены распределения ответов, которые свидетельствуют, что в настоящий момент единство русского народа, по представлению респондентов, должно достигаться одновременно по нескольким векторам, которые во взаимной сопряженности образуют многомерное ценностное пространство русского национального мира. Такими равнозначимыми направлениями единства считаются:

- национальная культура, традиции и обычаи;
- происхождение и историческое прошлое;
- язык;
- историческая родина, Россия;
- религия, что почти автоматически означает *православие*.

В среде русских обитателей Московского региона первостепенное значение первых четырех признаков для единства этноса признается, практически

безоговорочно (примерно 95–96%). Консолидирующий потенциал *религии* оценивается несколько ниже (86,9%), но даже в представлениях тех, кто не считает себя верующими, он неожиданно высок (80,2%).

Полученное распределение отражает, с незначительными вариациями, позицию всех основных социально-демографических групп опрошенных.

Для получения *межэтнических контрастов*, позволяющих точнее обозначить пространство русской идентичности, респондентам было предложено сопоставить русский этнос с другими народами, в той или иной мере согласившись или отвергнув следующие утверждения (степень согласия / несогласия варьировалась по пятибалльной шкале):

– «В мире нет людей лучше, чем русские»;

– «Чем большее влияние оказывают русские на другие народы, тем лучше для этих народов».

Полученное распределение оценок удобно представить в разрезе выделенных *факторов идентичности* (рис. 1). Оно отражает факт высокой солидарности респондентов: и по первому, и по второму тезису наблюдается достаточно монолитное *согласие*, которое отчетливо доминирует во всех основных социально-демографических группах. Наиболее активно – и это вполне закономерно – с каждым из предложенных суждений соглашались респонденты, признающие *почвенничество* в качестве главного фактора их идентификации, продуцируя еще более отчетливые и резкие межэтнические контрасты в сравнительном статистическом панно.

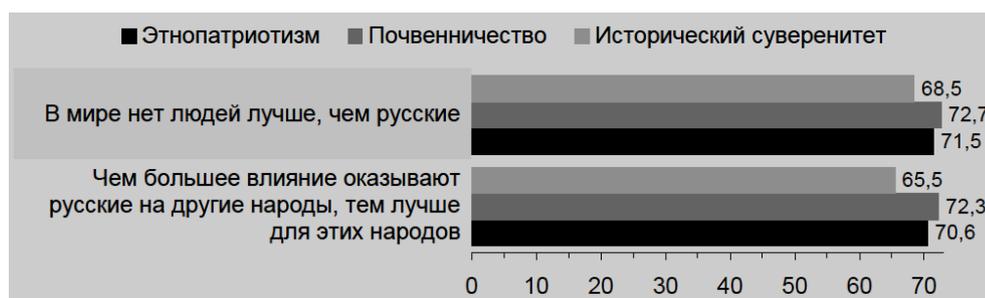

Рис. 1. Этническое позиционирование русских

Гражданская идентичность

Другим самостоятельным основанием идентичности русских москвичей, наряду с этническим, служит *гражданское самоопределение* [4].

Гражданская позиция русского населения Московского региона, по сути, однополярная и выражена общим, хорошо согласованным мнением. Оно

уверенно подтверждает важность (средняя оценка четыре балла¹) таких объединяющих нацию проявлений гражданского самосознания, как *гордость своей страной, гражданство России*, принадлежность ее общественно-государственному целому.

Дополнительную информацию о гражданском позиционировании участников опроса дает распределение их суждений в зависимости от ранее выделенных факторов идентичности (рис. 2).

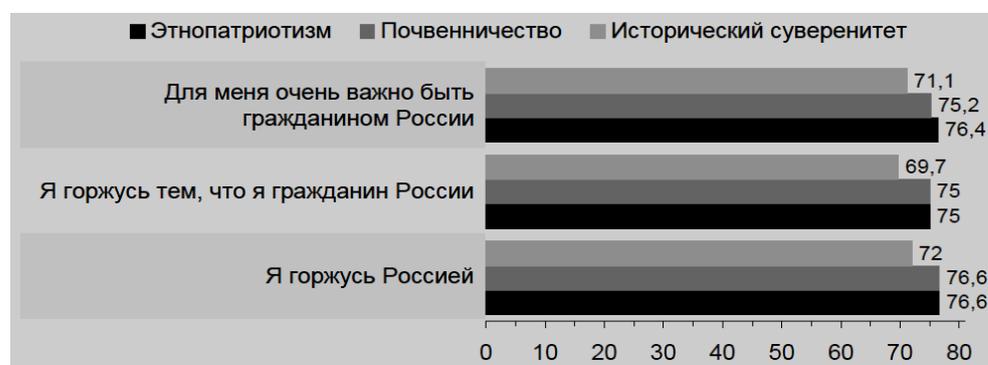

Рис. 2. Гражданское позиционирование русских

Религиозная идентичность

При рассмотрении *религиозной идентичности* [6] русских в первую очередь представляет интерес полученное статистическое распределение респондентов в аспекте их принадлежности к религиозным учениям и конфессиям. Оно отражает тот факт, что в настоящее время четыре пятых (79,4%) русского населения Московского региона считают себя *православными*, которые вместе с немногочисленной группой (3,6%) приверженцев «широкоформатного», так называемого *общехристианского*, вероисповедания суммарно составляют 83% верующих в Христа. Наконец еще одну, относительно малую, часть (14,8%) русских составляют *атеисты*. Названными статистически значимыми вариантами фактически и исчерпывается все религиозно-конфессиональное разнообразие, присущее русскому населению Москвы и области.

Разумеется сама по себе конфессиональная принадлежность не может служить информационным ключом для идентификации этноса по религиоз-

1. Оценка по пятибалльной шкале, от «1» – совершенно несогласия, до «5» – полного согласия.

ному признаку. В этом вопросе требуется более тонкая операционализация исследовательского инструмента. Отчасти, необходимый контекст для решения этой задачи формируют обобщенные оценки значимости своей религиозной идентичности и конфессиональной принадлежности, высказанные верующей частью русского населения Московского региона.

Опираясь на статистический материал, можно констатировать, что сегодня верующее русское население Московского региона практически единогласно признает высокую значимость таких принципов религиозного единства русской нации, как *принадлежность Православной церкви* (оценка 4,5 балла²) и *гордость своей причастностью к православию* (4,6 балла).

С точки зрения факторов идентичности позиции респондентов по религиозному вопросу не имеют резкой дифференциации (рис. 3).

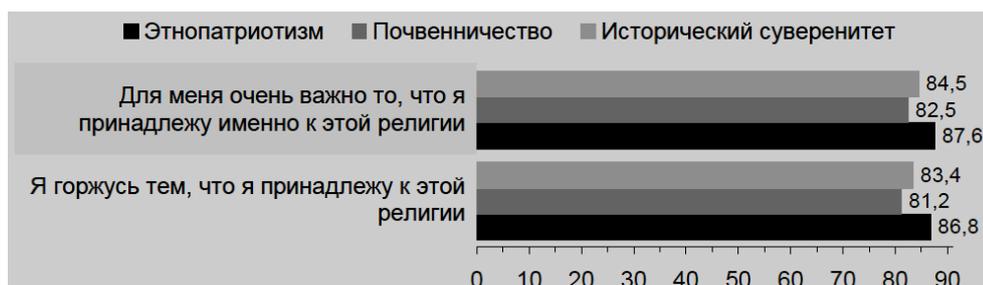

Рис 3. Религиозное позиционирование русских³

Таковы на сегодняшний день и в настоящих социокультурных условиях *главные компоненты идентичности русского населения Московского региона*, выявленные методами статистического и качественного анализа эмпирических данных.

Межэтнические дистанции

В ходе количественного исследования были эмпирически подсвечены некоторые важные характеристики межэтнических отношений, в частности получены сравнительные оценки совместимости – реальной или гипотетической – русского человека с представителями других национальностей. Используя шкалу *социальной дистанции Богардуса* [9], инструментарий исследования моделировал пять жизненных ситуаций, задающих определенные

2. Оценка по пятибалльной шкале, от «1» – совершенного несогласия, до «5» – полного согласия.

3. От числа респондентов, которые указали религию, к которой они себя относят.

схемы личных взаимоотношений респондента с тем или иным носителем этнической идентичности из четырех обозначенных:

- кавказцами – обобщенными выходцами из республик юга России или зарубежных стран;
- жителей Центральной Азии, без конкретизации страны и этнической принадлежности;
- китайцами;
- молдаванами.

В каждом случае определялась *социальная дистанция* в ее этническом выражении. Полученные при использовании этих моделей отклики респондентов весьма неординарны и явно свидетельствуют о неблагополучии.

Опираясь на фактический материал, можно сделать вывод, что в нынешней ситуации для русских жителей Московского региона любая из форм межличностных отношений с представителями всех указанных национальностей, за исключением *молдаван*, категорически неприемлема. По всем предложенным поводам отношений (в качестве *членов семьи, друзей, соседей, сослуживцев, сограждан*) с другой этнической стороной уровень неприятия у русских фактически зашкаливает, вплотную подбываясь к абсолютной отметке 100%! И это доминирующая позиция, говорить о каких-либо ее социально-демографических вариациях просто не приходится.

Подобные замеры межэтнических дистанций проводились в рамках ряда социологических исследований последних лет [2; 3], но ни в одном из них не фиксировалось столь резкое и столь солидарное смещение в область негативных оценок возможных или действительных отношений с другими этносами. Всё это, увы, свидетельствует о наличии системного и стремительно набирающего аварийную скорость тренда.

Некоторое «ослабление» участники опроса проявили лишь в отношении к *молдаванам* (рис. 4). Как правило, не воспринимая их в качестве *членов своей семьи* (для 90% опрошенных это неприемлемо), треть населения все же готова видеть их в *кругу своих друзей* (33,4%), примерно вдвое больше – общаться с ними *по-соседски* (60,4) или *по служебной необходимости* (68,5), и уже три четверти способны воспринимать их как своих *сограждан* (75,8%).

В несколько иной постановке и обобщенном виде вопрос о дружественных отношениях русского населения Москвы и области с представителями других этносов и с трудовыми мигрантами позволяет оценить статистическую мощь того «диффузионного» социального слоя, в котором происходит реальное взаимодействие русских с представителями иных национальностей, вероисповеданий, культур. Анализ ответов на соответствующие вопросы обнаруживает, что в окружении каждого пятого русского москвича (20,3%) в действительности есть друзья и знакомые другой национальности,

а в сфере общения почти каждого четвертого коренного жителя столичного региона (23,3%) – трудовые мигранты.

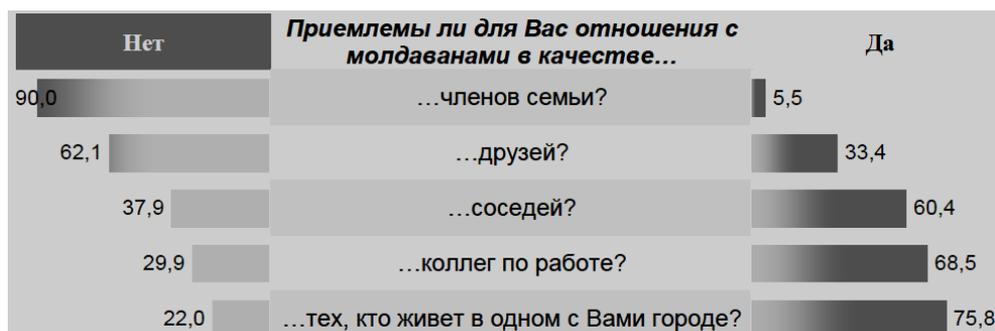

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Приемлемы ли для Вас отношения с молдаванами?»⁴

Чаще всего люди нерусской национальности и трудовые мигранты входят в круг друзей и знакомых у молодежи; с ростом возраста респондентов этот круг утрачивает свое этническое разнообразие (например, общаются с мигрантами 30,6% самых молодых жителей региона и лишь 14,8% представителей старшего поколения). Кроме того, с трудовыми мигрантами заметно чаще имеют дело жители Московской области, нежели мегаполиса (31,5% и только 18% в названных группах).

При рассмотрении межэтнических контрастов и межэтнических дистанций до сих пор неявно предполагалась субъектность и активная избирательность лишь одной стороны социального взаимодействия – самих *русских*. Учитывая фактическую полиэтничность российского социума, двусторонний и многосторонний характер отношений с представителями других национальностей, способными к проявлению собственной воли в межэтническом взаимодействии, важно понять приемлемость самих русских в диалоге наций *для другой стороны*, но, опять же, – как это видится и представляется самим русским.

Открывающаяся при таком подходе картина вполне соответствует статусу коренного этноса русских: почти три четверти (71,7%) жителей Московского региона на момент исследования не испытывали никакого влияния своей национальной принадлежности на реальные жизненные ситуации, еще 8,4% не

⁴ Распределение представлено без учета статистического веса затруднившихся / отказавшихся ответить на данный вопрос.

смогли ничего сказать по этому поводу, что, скорее всего, тоже может быть классифицировано как отсутствие явного противодействия или, напротив, предпочтений для русского респондента, связанных с его этнической идентичностью. Каждый шестой опрошенный (16,2%) все же отметил, что факт его русской национальности в какой-то мере помогал ему в жизни.

Представленный расклад мнений не обнаруживает статистически значимых разбросов относительно средних значений. Можно лишь отметить, что верующие люди почти вдвое чаще отмечают вполне тривиальный в данном случае факт благотворного влияния русского происхождения на ход своей жизни, чем атеисты.

Миграционный фон

Результаты целевых эмпирических исследований [1; 7] свидетельствуют, что процессы этнизации, вызревания и содержательного раскрытия идентичности русского этноса существенно «подстегиваются» внешними факторами, в частности характерной для Московского региона массовой трудовой миграцией как международной, так и, отчасти, межрегиональной, связанной с потоками трудовых ресурсов в самой России. Московский регион в этом смысле является горячей точкой и полигоном для дальнейшей, более полной и детальной, конфигурации аксиологического и семантического объема русской идентичности.

Можно ли в настоящее время говорить о реальном влиянии международной трудовой миграции на межэтнические отношения в Москве и Подмоскowie, на процессы этнизации и национальной идентификации русского населения Московского региона?

Прежде всего необходимо отметить, что в балансе взаимоотношений русского населения Московского региона и иностранных работников подлежат обязательному учету такие качественные параметры миграционного потока, как «статусность» мигрантов, их профессиональная квалификация, уровень владения русским языком и знания истории России, общий культурный уровень в целом.

При этом сама «статусность» определяется основными социально-демографическими признаками, в том числе страной «исхода», происхождением мигранта и другими характеристиками. Например, хорошо известно о дифференцированности культуры, имеющей городской и деревенский качественные полюса, и в этом смысле – разные статусные веса *города* и *села* как поселенческих типов исходных пунктов миграции, что во многом нивелирует другой важный показатель – страну эмиграции. Другой аспект – *этническая принадлежность* приезжего работника – также существенно влияет на характер и тональность отношения к нему со стороны коренных жителей региона:

известно, что восприятие русским населением Москвы и области выходцев из *славянских* стран, а также из стран Европы изначально более благожелательно. Далее, *гражданство* работника «по умолчанию» служит одним из определяющих триггеров отношения к нему. Так, эмпирически проявленное предпочтение «братьев из Беларуси и Украины» представителям стран Центральной Азии и Кавказа обусловлено, помимо заведомо более теплого отношения к представителям *славянских* этносов, еще и тем, что они являются носителями *однокоренной культуры* и, скорее всего, имеют более высокие *образовательный* и *профессиональный* уровни. А вот «дремучая Азия» в представлении русского населения столичного региона, образ жизни которого во многом следует европейским нормам, настораживает и раздражает.

Осознавая и непосредственно ощущая последствия повседневного присутствия трудовых мигрантов в жизни городского социума, население Московии неодинаково воспринимает различные национальные, этнические черты многоликой миграционной диаспоры. Одна из важных для принимающей стороны характеристик цивилизованного – образовательного, культурного, религиозного – «качества» мигрантов – это, как уже отмечалось, «страна убытия», от которой априори зависит отношение к приезжему, и которой как раз во многом определяется его «статусность» как трудового мигранта. Опирающийся на фактические данные рейтинг предпочтительности стран, из которых в Россию, в Москву и область едут на заработки, не отличается большим разнообразием.

Чуть более четверти жителей Московского региона симпатизируют выходцам с Украины и Беларуси (27,5 и 25,7%, соответственно, для этих стран), еще 8,8% – гражданам Молдовы. И это, собственно, все, не считая большого количества других статистически ничтожных вариантов, лишь объединенно выражаемых весом 14,4% опрошенных.

Полученное распределение убеждает, что ни одна из постсоветских стран Центральной Азии и ни один из регионов Северного Кавказа, как раз и ставших традиционными для Москвы и области пунктами исхода мигрантов, не пользуются заметной симпатией. Более того, приезжие именно из этих стран вызывают наиболее оформленное негативное отношение. Рейтинг стран, граждане которых имеют в сознании населения столичного региона статус иммигрантского «нон грата», наглядно иллюстрирует данный тезис. И это эмпирический факт (рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «К мигрантам из каких стран Вы относитесь отрицательно?»⁵

Толерантность и перспективы интеграции

Рассуждая о природе, содержании и факторах риска взаимоотношений русского населения Московского региона с мигрантами, эксперты, прежде всего, отмечают, что, как правило, взаимодействие москвичей с мигрантами, в большей или меньшей степени уже интегрированными в российское общество, не носит изначально конфликтный характер: если соседями являются представители различных этнических групп, то они способны прекрасно ладить между собой; практически всех жителей из числа русских устраивает широкая занятость внешних мигрантов в ЖКХ и удовлетворяет качество их работы; нередко русское население готово помогать трудовым мигрантам. Точно так же профессиональная среда не оставляет места для проявлений расовой нетерпимости: если речь идет о высококвалифицированных сотрудниках, то в отношениях работодателя и коллег с ними приходится руко-

5. Сумма числовых показателей превышает 100%, так как соответствующий вопрос допускал возможность нескольких вариантов ответа. Варианты ответа не предлагались – респонденты называли страны самостоятельно.

водствоваться, преимущественно, соображениями сотрудничества, полезного для бизнеса. Часть обитателей столичного региона в своей повседневной жизни никогда не сталкиваются с межнациональными конфликтами, узнавая о них лишь из телевизионных материалов. Но, кстати, даже эта категория «неискушенных» обитателей живет в постоянном ожидании межэтнических конфликтов, и в этом «заслуга» именно СМИ!

И все же имеющихся, безусловно положительных, примеров явно недостаточно для гарантированного общественного согласия всех этнонациональных сегментов столичного социума. Для предупреждения и противодействия проявлениям ксенофобии, по мнению специалистов, важно конверсировать матрицу социализации трудовых мигрантов, которая предопределяет организацию их жизни в форме обособленных, замкнутых общин, воссоздающих специфическое социальное пространство, с одной стороны, нереперентное общегородскому, с другой – «заземляющее» и замыкающее адаптивный потенциал самих мигрантов в этой социально коллапсированной общине. Необходимо искать перспективные социально-политические решения и создавать условия, стимулирующие более открытый образ жизни общин мигрантов, более прозрачные и свободные границы их этнокультурных пространств и в конечном счете постепенное понижение барьеров межэтнического взаимодействия. Такая стратегия, конечно же, будет способствовать встречному стремлению самих мигрантов адаптироваться, освоить фундаментальные паттерны русской культуры и, с неизбежностью, включению приезжих работников в общественную жизнь региона.

Разумеется высота барьеров межэтнического взаимодействия напрямую зависит от этнокультурной дистанции народов. Например, культурная близость русского, украинского и белорусского народов заметно снижает, благодаря их общей культурной природе, конфликтность совместной жизни с ними для русских москвичей. В большей или меньшей мере это справедливо и для всех славянских народов, представленных в мигрантской среде столичного региона. А из недавней истории хорошо известны примеры конструктивного и бесконфликтного взаимодействия русских и с другими народами, их эффективного культурного диалога. Так, по мнению ряда экспертов, созданные советским кинематографом позитивные образы представителей грузинского и армянского народов до сих пор активно присутствуют в сознании русских и положительно сказываются на их отношении к этим этносам. В целом довольно длительная общая история нынешних постсоветских государств, ведущая отсчет еще со времен царской России и обуславливающая совпадение важнейших фреймов их исторической идентичности, реальное взаимное проникновение культур различных республик, соединенных в составе СССР, необыкновенно сблизили многие согосударственные народы. На современном этапе такую же роль отчасти выполняют телевидение (в эфире россий-

ских каналов часто присутствуют ведущие неславянского происхождения), музыка, искусство в целом и другие общественные сферы.

Разумеется, помимо названных, общезначимых примеров толерантного сосуществования российских граждан с представителями иных народов, в социальной жизни Московского региона разнообразно проявляются и многие другие.

Эмиграция vs иммиграция

Сталкиваясь все чаще и по разнообразным поводам в повседневной жизни с иностранными рабочими, заявляющими свои этнокультурные, религиозные и иные «естественные» права, замечая не всегда позитивные изменения социокультурной среды, вызванные нарастающим давлением миграционных масс, коренной житель Московского региона стихийно или сознательно может ставить и решать вопрос о желательности или вынужденности собственного переезда в другое, менее проблемное для него место жительства. В этих условиях можно говорить об определенном *эмиграционном потенциале* русского населения Московского региона.

Действительно, эмпирические данные свидетельствуют, что часть жителей столицы и области начинают подумывать о собственной эмиграции из родных мест как реакции на усложняющуюся и утрачивающую свое былое качество жизнь, в том числе и по причине миграционного прессинга.

В настоящий момент четверть (24,4%!) русского населения Москвы и Подмосковья с большей или меньшей уверенностью заявляет о своей готовности уехать из столичного округа на постоянное проживание в другой регион России или за ее рубежи. При этом о своей эмиграции как о *решенном вопросе*, при ее надлежащем стимулировании и поддержке, говорит каждый седьмой (14,4%) житель из числа русских. Если намерения, пока еще гипотетические, этой части населения будут реализованы, то общий миграционный поток, одной мощной струей уносящий из региона русское население, а другой – приносящий в него все новые этномассы, полностью изменит социокультурный ландшафт Москвы и Подмосковья, вызовет их радикальную этнокультурную «перелицовку». Тогда и оставшиеся три четверти (74,2%) нынешних русских «стойких» обитателей столичного региона, пока декларирующих твердый местечковый патриотизм, тоже, скорее всего, будут быстро и катастрофически смыты «миграционным селем» в иные заповедные места национальной русской идентичности.

Вероятная опасность и без того тревожной ситуации усиливается, когда обнаруживается, что наиболее решительно на возможный «исход русских из Москвы» настроены именно молодые поколения: миграционному настроению подвержены 33,7% самых молодых граждан (18–29 лет) Москвы

и области, участвовавших в исследовании, и 41,1% в следующей возрастной страте – 30–39 лет. Причем две трети из них тверды в своих намерениях уехать. Повышенную потенциальную мобильность демонстрируют и люди с высоким уровнем образования (суммарно, с большей или меньшей категоричностью, 30,1%).

Чем же вызвана такая «охота к перемене мест» и куда конкретно намерены держать путь возможные московские эмигранты? Ответ на первый вопрос – о *причинах* эмиграции русского населения столичного региона – частично уже содержится в ранее выполненном анализе ситуации, хотя им, разумеется, и не исчерпывается. И потому эта тема нуждается в дополнительной разработке и прояснении методами эмпирического исследования.

Итак, каждый второй (50,9%), вознамерившийся оставить родные пенаты, вынуждаем к этому шагу *неудовлетворительным*, с его точки зрения, *состоянием отечественной экономики*. Каждый третий (35%) – *неудовлетворенностью политической ситуацией* в стране. Третий по распространенности «чемоданный» мотив (28,6%), по-видимому, коррелирован с первыми двумя: не имея твердого экономического базиса и политических гарантий, человек *не уверен в будущем своих детей*.

Из других причин вероятного отъезда, помимо узнаваемых и хорошо интерпретируемых в контексте общеизвестных проблем (*неудовлетворительная безопасность, безработица, нерешенность жилищного вопроса*), заслуживает внимания то, что определенная, весьма немалая часть (17,3%) коренных жителей региона, представляющих русский этнос, *чувствует себя чужими* в своем доме. А каждый 20-й (5%) прямо заявляет о *плохом отношении к русским* как основании для бегства из этого дома. Эти 5%, конечно, совершенно не делают «эмиграционную погоду» в столичном регионе, но сам факт появления этой величины, причем в исконно русской этнокультурной вотчине, заставляет с большим вниманием присмотреться к процессам миграции, идущим на территории Москвы и Московской области, так как за ними вся Россия.

Ответ на второй прямой вопрос, восполняющий представление о текущих эмиграционных намерениях русских жителей Москвы и области – «камо грядеши», – сформулирован в виде дилеммы. Так, большинство (54,5%) русских, ныне изъявляющих желание уехать из Московского региона, планируют стать *гражданами другой страны*. И это, увы, не новый сюжет в российской действительности, особенно в среде молодых и хорошо образованных людей. Но вторая доля возможных эмигрантов (41,8%) собирается переехать из-под стен Московского Кремля в *другой регион России*, и вот эта тема российской реальности уже определенно новая и пока малоизученная. Насколько устойчива и существенна мотивация этих намерений, выражают ли последние длительный цивилизационный тренд (включая практику использования

карьерного и социального «лифтов» в регионе или, напротив, новомодное движение «дауншифтинга») или являются сугубо ситуативной реакцией на нынешнее status quo в московской округе? Эти и другие сопряженные вопросы адресованы будущим исследованиям. Пока же можно отметить только то, что в сторону *зарубежья* чаще других смотрят обитатели столичного мегаполиса, граждане, имеющие высокий доход. *Ближний* прицел предполагаемого переезда, напротив, в большей мере имеют жители Подмоскovie, люди среднего достатка.

Библиография

1. Алисов Н.А., Гаспаришвили А.Т., Исаев А.К., Оносов А.А. Трудовая миграция в Москве: Факты, мнения, перспективы (Ситуационный анализ и моделирование национальной миграционной стратегии). М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 448 с.
2. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Литовцы в Калининградской области». Международный исследовательский проект ENRI-EAST «Взаимодействие европейской, национальной и региональной идентичностей: Нации между государствами вдоль новых границ Европейского Союза». М.: ЦСИ МГУ имени М.В. Ломоносова, 2009. 124 с.
3. Аналитический отчет по результатам социологического исследования «Международные отношения». М.: ЦСИ МГУ имени М.В. Ломоносова, 2005. 144 с.
4. Большаков А.Г., Зазнаев О.И. Формирование гражданской идентичности: Проблемы, современное состояние, перспективы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). С. 38–41.
5. Иванова С.Ю., Шульга М.М. «Русская этническая» и «российская» идентичность: Соотношение понятий // Вестник Южного научного центра РАН, 2010. Т. 6. № 4. С. 96–104.
6. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М.: Икар, 2012. 306 с.
7. Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т. Измерения идентичности русских: Социологические оценки и гуманитарная экспертиза // Вестник РУДН. 2016. Серия «Социология». № 2. С. 336–347.
8. Оносов А.А., Гаспаришвили А.Т. Этнизация массового сознания русских в Московском регионе: Экспертная оценка процесса // Вестник РУДН. 2016. Серия «Социология». № 3. С. 530–541.
9. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 124 с.
10. Bogardus E.S. A Social Distance Scale // Sociology and Social Research. 1933. Vol. 17. P. 265–271.

References

Alisov N.A., Gasparishvili A.T., Isaev A.K., Onosov A.A. Trudovaja migracija v Moskve: Fakty, mnenija, perspektivy (Situacionnyj analiz i modelirovanie nacional'noj migracionnoj strategii). [Labor migration in Moscow: facts, opinions, prospects (Situation analysis and national migration strategy modeling)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2015. 448 p.

Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija «Litovcy v Kaliningradskoj oblasti». Mezhdunarodnyj issledovatel'skij proekt ENRI-EAST «Vzaimodejstvie evropejskoj, nacional'noj i regional'noj identichnostej: Nacii mezhdu gosudarstvami vdol' novyh granic Evropejskogo Sojuza». Moscow: CSI MGU imeni M.V. Lomonosova, 2009. 124 p.

Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija «Mezhnacional'nye otnoshenija». Moscow: CSI MGU imeni M.V. Lomonosova, 2005. 144 p.

Bogardus E.S. A Social Distance Scale // *Sociology and Social Research*. 1933. Vol. 17. P. 265–271.

Bol'shakov A.G., Zaznaev O.I. Formirovanie grazhdanskoj identichnosti: Problemy, sovremennoe sostojanie, perspektivy // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2012. N 12 (26). P. 38–41.

Hotinec V.Ju. Jetnicheskaja identichnost' i tolerantnost'. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2002. 124 p.

Ivanova S.Ju., Shul'ga M.M. «Russkaja jetnicheskaja» i «rossijskaja» identichnost': Sootnoshenie ponjatij // *Vestnik Juzhnogo nauchnogo centra RAN*, 2010. Vol. 6. N 4. P. 96–104.

Krylov A.N. Religioznaja identichnost'. Individual'noe i kollektivnoe samosoznanie v postindustrial'nom prostranstve. Moscow: Ikar, 2012. 306 p.

Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Izmerenija identichnosti russkih: sociologicheskie ocenki i gumanitarnaja jekspertiza // *Vestnik RUDN*. 2016. Serija «Sociologija». N 2. P. 336–347.

Onosov A.A., Gasparishvili A.T. Jetnizacija massovogo soznaniya russkih v Moskovskom regione: Jekspertnaja ocenka processa // *Vestnik RUDN*. 2016. Serija «Sociologija». N 3. P. 530–541.